Танкер «Дербент»: Вызов -3

Category: Kitapcy,Powestler
написано kitapcy | 24 января, 2025
Танкер "Дербент": Вызов -3 3.

Телеграмма, посланная по радио танкеру «Агамали», гласила следующее:
«Вызываем вас на социалистическое соревнование по выполнению плана перевозок. Согласие сообщите. Предсудкома Котельников».
Сам предсудкома топтался за спиной радиста, пока тот работал ключом.
— Может быть, они и разговаривать с нами не захотят? В самом деле, уж очень нахально с нашей стороны. Ведь у нас задолженность не покрыта.
Володя выключил передатчик и повернулся на стуле.
— Мы тогда их обгоним неофициально, и они вынуждены будут это признать. Не все ли равно? Мы бросаем им вызов, мы — сорок пять человек с «Дербента». Шикарно, а? Удивительная штука соревнование! Теперь уж я не могу спокойно ждать, пока нам подадут баржи. Кажется, я сегодня изрядно попортил нервы этим флегматичным молодцам на рейде. Однако баржи-то подали вовремя.
— Обгоним ли?
— Обязательно. Знаешь, Степа, по-моему, мы с тобой ошибались, когда рассуждали насчет команды. Помнишь, ты сказал: «сброд»?
— Не помню что-то…
— Э, не хитри! Местом я тебя тогда соблазнял в Эпроне. Память у тебя девичья, Степа!
— Дело прошлое…
— То-то и есть! Видел, как работали мотористы на стоянке? Это уж что-то новое. Самое интересное то, что все это сладилось без участия командиров. Как это началось, ты не помнишь?
— Начал Мустафа Гусейн…
— Бывший комсомолец. А почему он «бывший», ты знаешь?
— Как будто исключен за пьянку. Толком не знаю…
— Неладно, Степа! Мы запираемся в красном уголке и совсем не

знаем людей. Соревнование началось стихийно, без нас, и мы только примкнули к нему.
— Ты же вчера хотел возглавлять, — съязвил Котельников.
— Оставь… Нужно уничтожить эту дурацкую замкнутость, нужно работать с людьми. Тогда, может быть, и возглавим.
— Открытых собраний побольше, — сказал Котельников, — поменьше секретов. А главное — надо работать вовсю. Мы поддерживали порядок на электроустановках и считали, что показывали пример, — мы-де образцовые! Дешево это стоит, Володя! Мы должны быть всюду, где дело идет плохо. Если не умеешь наладить двигатель, подавай инструмент, организуй людей, покажи им цель. Трудное это дело, Володька, организовать людей. Трудное…
На «Агамали» с ответом не торопились. Вечером, во время ужина, Володя прибежал в кают-компанию.
— Предсудкома к аппарату, — объявил он торжественно, — шевелись, Степа!
Радиорубка наполнилась народом. Здесь были матросы, электрики, и донкерман, и мотористы. Пришел даже штурман Алявдин. Разговаривали тихо, почти шепотом, словно тот, кто вызывал предсудкома, находился тут же в рубке и прятался за щитом передатчика. Гусейн, приоткрыв рот, слушал дробный стук ключа и свист репродуктора.
— Это ты передал сейчас? — спрашивал он тихо. — А теперь он говорит? Что он ответил?
— Поди ты к черту, — зашипел Володя, — я спутаюсь!
Из-за края моря простучал наконец небрежный ответ:
«Согласны, если вы не шутите. Наши условия: перевезти двадцать пять тысяч тонн сверх плана, сократить простои, выполнять ремонт на ходу. Кончаю».
В рубке поднялся шум. Телеграмма переходила из рук в руки. Алявдин покачал головой.
— Будет хорошо, если мы покроем задолженность.
Двадцать пять тысяч сверх плана. Извините, это бред,
— Однако вот они предлагают, — сощурился Котельников, — для них это не бред.
— У нас машины другие.
— Машины одной серии. Головы у нас другие, вот что!

— Насчет голов позвольте мне сказать, — выдвинулся до сих пор молчавший донкерман Пронин. — Вы знаете, кто регулировал двигатели «Агамали»?
— Откуда мне знать?
— А я знаю. Наш механик, Александр Иванович, регулировал. Он ведь в доках работал раньше.
— Путаете вы что-то. Не может быть!
— Нет. Это мне доподлинно известно. Он самый.
Гусейн торжествующе улыбнулся.
— Вчера мы подняли обороты левого двигателя до ста двенадцати, — сказал он, оглядываясь, — все видели?
Басов говорит, что можно получить все сто пятнадцать.
Он схватил со стола телеграмму и быстро вышел. Матрос Хрулев проводил его глазами с недоброй усмешкой.
— Землю роет, — сказал он, подмигивая Алявдину, — теперь, надо думать, к механику побежал, выгибаться. Подлизывается, бичкомер! А его ведь за хулиганство судили, вы знаете?
— За пьянку, — угрюмо поправил Котельников. — Зачем болтаешь зря? Поганый у тебя язык, Хрулев, что швабра палубная!
Гусейн приоткрыл дверь в каюту Басова. Старший механик сидел за столом, подпирая кулаками виски.
— Зубы болят? — спросил Гусейн, осторожно закрывая дверь.
— Нет, зубы в порядке, — сказал Басов, потягиваясь, — что это ты вздумал? Просто заснуть никак не могу. Ночь не спал, а вот не спится.
Гусейн присел на кончик стула и развернул телеграмму, но почему-то сложил ее опять.
— Тоскуете, значит, — спросил он участливо, — я давно замечаю. О чем бы это?
— Всякое в голову лезет, — отозвался механик скучным голосом. Он поднял голову и вдруг усмехнулся не то над собой, не то над вопросом Гусейна. — Жену на берегу оставил, — добавил он неожиданно.
— Молодая небось? — оскалил зубы Гусейн.
— Молодая… Так ведь и я не старик. Знаешь что? Говори мне «ты» без стеснения. Мы не на работе.
Гусейн с удовольствием уселся поудобнее на стуле и скрестил

ноги.
— Эка грусть, подумаешь, — сказал он беспечно, — кончится навигация — поживешь дома. Детей нет еще? Будут и дети.
— Не так все просто, Мустафа.
— Неужели не поладили?
— Не поладили. Меня сюда послали. Ей это не подходит, Мустафа.
Гусейн перестал улыбаться.
— Эх, жизнь! Я вот про себя скажу, — прорвался он неудержимо, — познакомился я, брат ты мой, с девушкой. Она очень славная, душевный человек, я тебе скажу. Институт кончает. Да ведь как знакомство вести, когда за месяц всего два раза свидеться пришлось. То ночью придем в порт, а то рано утром, когда ей некогда.
На пристань я ее не зову — вдруг опоздаем или не смогу я уйти с танкера. На пристанях ребята зубастые, начнут задевать: вам, мол, скучно, да не проводить ли вас, то да се. Обидеть ее могут, очень свободно. Встречаемся мы с ней на бульваре, и разговоры у нас чудные бывают. Интересуется она, как живут моряки и почему мы не выполняем плана перевозок. Чувствую я, что она хочет от меня чего-то и как будто ждет от меня большого дела. Ты, говорит, горяч и настойчив, у тебя много бесстрашия.
— Умная, — сказал Басов. — Что же ты ответил?
— Трепался, конечно. Станем, мол, и мы знатными, погоди с недельку. Вот и выходит, что ничего у нас с ней не будет. На берегу много людей. Есть и горячие и настойчивые — только выбирай. Может быть, она уже встретила кого-нибудь, пока я был в море. Да и сама она на серьезное дело способна. На строительной практике десятником была. Меня, говорит, сезонники очень уважают, ей-богу! Слушал я ее, и мне стало грустно.
Пути наши разные, Александр Иванович.
— Тебя послушать, так все моряки холостыми ходить должны, — улыбнулся Басов. — Это вздор. У Котельникова вот жена и ребенок, у боцмана дети в школу ходят. И какие славные ребятишки, ты бы посмотрел!
— Про себя-то забыл? Агитируешь!

Басов встал и прошелся по каюте.
— Я пошутил; Мустафа, — сказал он виновато, — у меня нет жены, я один. Ты спросил насчет зубов, и мне стало смешно. Глупо пошутил, извини…
— Ом-манул, значит, — протянул Гусейн, смачивая языком самокрутку, — ну, ладно, шути на здоровье. — Он развернул телеграмму. — Прочти-ка, что «Агамали» ответил.
Он терпеливо ждал, пока механик читал телеграмму.
— Двадцать пять тысяч тонн сверх плана, — сказал Басов, — тяжелое обязательство. Но я думаю, что оно нам по плечу, если мобилизовать все средства, разумеется.
— Какие средства?
— Скорость хода и грузовых операций. Может быть, есть и другие средства.
Гусейн задумался.
— Нельзя ли увеличить грузоподъемность «Дербента»? — спросил он.
— Нельзя, Мустафа, «Дербент» не резиновый.
— Ты не шути… Сколько мы забираем горючего на стоянке? С запасом на четыре рейса?
— Ну, на четыре. Но при чем здесь горючее?
— Если запастись горючим только на один рейс — тогда полезного груза мы можем взять на триста тонн больше.
— Ах, черт! — вскрикнул Басов. — Правда! Мне это не приходило в голову. Зачем же мы возим четырех кратный запас?
— Не знаю. Такое правило. На случай всемирного потопа, должно быть.
— Ну, это дудки. Надо возить не балласт, а груз. Как никто не додумался до этого? — Басов остановился. — Нельзя ли еще что-нибудь снять?
— В канатном погребе много цепей, якорей запасных и всякого хлама, — сказал Гусейн задумчиво, — потом остается кладовая машинного отделения и мастерские. Если собрать весь железный лом и старье на судне, это составит тонн пятьдесят.
— Итого лишних триста пятьдесят тонн за рейс?
— Ишь ты, — просиял Гусейн, — а ты говорил, будто нельзя увеличить грузоподъемность! Powestler